

УДК 101.1

ПОРТРЕТНАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ОПОЗИЦИИ «АЛЬТРУИЗМ-ЭГОИЗМ» В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ РЕТРО- И ПЕРСПЕКТИВЕ

Зенец Н.Г., Чалдышкина М.В., Мироненко Т.В.

ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет Минздрава России», Омск,
e-mail: kafphil@mail.ru

Современное состояние общества обостряет проблему соотношения альтруистических и эгоистических начал в человеке, делая актуальным прояснение оснований, позволяющих удерживать меру в игре альтруизма и эгоизма, которые оказываются сложно переплетены в реальной действительности человеческого существования. Сложность переплетения задается самой жизнью, обнаруживающей свою разнонаправленность. Будучи разнонаправленной, жизнь в человеческой культуре обретает нравственные ориентиры, которые будут репрезентированы той или иной эпохой в различных этических портретах. Античность фиксирует нам образ «умеренного альтруиста». Он будет определяться убежденностью в причастности индивидуальной жизни человека – всеобщему и самим принципом всякого знания – ничего сверх меры. Средние века усилят образ альтруиста жертвенностью, поскольку религиозный человек позиционирует себя исходя из Божественного Абсолюта. И только Новое Время развернет игру альтруистических и эгоистических начал в человеке в сторону эгоизма. Он будет утверждать себя в качестве «разумного эгоиста», способного считаться с Другим. Современная эпоха, с ее разрушительной энергией, рисует нам портрет «расчетливого эгоиста», не считающегося с любыми механизмами, еще способными сдерживать эгоистические устремления человека постмодерна.

Ключевые слова: эгоизм, альтруизм, всеобщее, единичное, этический человек, жизнь, логос

PORTRAIT DIVERSITY OF «ALTRUISM-EGOISM» OPPOSITION IN HISTORICAL AND CULTURAL RETRO- AND – PERSPECTIVE

Zenets N.G., Chaldyshkina M.V., Mironenko T.V.

Omsk State Medical University, Omsk, e-mail: kafphil@mail.ru

Contemporary social landscape aggravates a problem of unselfish and altruistic motives in human nature. It poses an actual question about bases, keeping the balance between the altruism and egoism that checker life. The ins and outs of it's cooperation depends on differently directed life. It's a reason for different moral bearings which can be represented in variety of ethical profiles. Ancient was «moderate altruist», because his individual life showed the relationship with global low of being. In the Middle Ages Christianity planted the image of «selfless altruist». Modern Age turned the human nature toward rational selfishness. It's still rational selfishness, because «rational egoist» be able to consider others. And here and now we can see the portrait of «calculating egoist», overlooking all limiting factors of egoism.

Keywords: egoism, altruism, universal, singular, ethic man, life, logos

Трансформация ценностных оснований современного общества неизбежно влечет за собой изменения в понимании категориального каркаса этики. Базовые этические категории, такие как добро, зло теряют напряженность, становясь почти неразличимыми. На авансцену общества, отличающегося предельной автономизацией, выходит «самодостаточный эгоистический индивидуализм», утверждающий в качестве высшего смысла человеческого существования принцип выживания. Так или иначе, выживание человека коренным образом связано с его эгоистическим началом. На уровне своей самости (природного начала) он отстаивает себя, утверждает в мире. И, в этом смысле, эгоизм есть своеобразная форма проявления инстинкта самосохранения. В то же время человек нуждается в другом человеке, а потому не может не проявлять в отношении другого своей заинтересованности. В данном случае живой интерес к другому есть

проявление альтруизма, так же присущего нашей природе, но иного эгоизму начала.

Но если эти два, присущих нам начала, так важны, то может, имеет смысл ввести их в расшатанный вседозволенностью каркас этики, чтобы, наконец, преодолеть ситуацию нравственный неразберихи? Здесь возникает определенная сложность. Если мы полагаем, что в нас от природы есть, присутствуют эти два начала (альтруизм и эгоизм), то мы не можем не понимать, что именно их сопричастие и создает то нравственное напряжение, в которое во всякий момент своей жизни поставлен человек. Скорее всего, от «игры» этих начал будет зависеть выбор поведенческой стратегии. Но чем определяется игра альтруистического и эгоистического начал в человеке?

Конечно, можно согласиться с утверждением Н.О. Лосского, писавшего о том, что изменение «набора» жизненно необходимых ценностей, в отношении которых че-

людей устанавливает себя в качестве этического субъекта, определяется изменениями в социокультурной реальности. Да и исторический материал свидетельствует о значительном влиянии контекста на рост тех или иных настроений. Однако в реальной жизни эгоистические и альтруистические настроения оказываются сложно переплетены. Удержать их некоторую равновесность совсем непросто.

Непросто потому, что глубинным основанием, определяющим альтруистическую и эгоистическую направленность нравственных отношений, является сама жизнь. Жизнь как универсальная активность, наполняющая собой всякое пространство. Древнегреческий язык говорит о жизни как $\alpha\zeta\omega\eta$ и $\sigma\beta\iota\omicron\varsigma$. $\alpha\zeta\omega\eta$ – «жизнь вообще», не имеющая очертаний, кроме устойчивой противоположности смерти. $\sigma\beta\iota\omicron\varsigma$ – как отдельная жизнь, извлеченная из «жизни вообще», а потому конечная, с определенными и устойчивыми характеристиками [2, с. 19-22]. Жизнь как бы изначально отказывается разнотеленной. Она обращена и ко всеобщему, и к индивидуальному. В этом смысле она задает две тенденции и в природе и в обществе, которые позже обретут свою этическую оформленность в виде эгоизма и альтруизма. Будучи разнотеленной, жизнь в человеческой культуре обретает нравственные ориентиры, которые будут репрезентированы той или иной эпохой в различных этических портретах (образах).

Античность даст нам портрет, если можно так сказать, «умеренного альтруиста». Он будет определяться убежденностью в причастности индивидуальной жизни (жизни человека) – всеобщему и, кроме того, основным принципом всякого знания – ничего сверх меры. В античности индивидуальные принципы, начала индивидуального бытия обозначались словом $\eta\theta\omicron\varsigma$. Принципы же бытия общественного (обычаи, традиции) другим словом – $\epsilon\theta\omicron\varsigma$. Будучи разными по сути, они тем не менее были тесно переплетены и, в определенной мере, одного не было без другого [1, с. 160]. Конечно, личные принципы зачастую вступали в противоречие с общественными устоями. И, тем не менее, портрет этического человека античной эпохи может быть словесно описан как такой, в котором «единичное соотносит себя со всеобщим». В этом соотношении, когда самасть ставит всеобщее как Благо выше себя и своего блага, осуществляется «подлинная единичность» [1, с. 164].

Это соотношение задается культурными координатами. В античности такой культурной координатой выступает Логос. Первым греческим философом, в текстах которого

проявился не просто интерес к нравственным вопросам, но обозначились все основополагающие понятия классической этики: нравственный характер человека (этнос), добродетель (арете), мудрость (софия), был Гераклит. Все эти понятия, как показал М. Хайдеггер [7], тесно переплетены с понятием Логос.

Логос – это такое «жительство», в котором «разум имеет голос» [5, с. 46]. Следует добавить, что он не только голос, но еще, в некотором смысле, и совесть. Совесть не как личностное качество, а как «моральность» космоса в целом. Гераклит, как полагают исследователи, был убежден в объективности и вечности моральных и правовых «стандартов», ибо последние «имеют внечеловеческое и, следовательно, внесубъективное обоснование» [3, с. 125]. В то же время логос присущ и человеку, ибо он в качестве «слова» всегда оформлен, а значит представлен как индивидуальное существование. То есть Логос в определенном смысле становится Я. Разворачиваясь в индивидуальной жизни человека, он способен подчинить личностное всеобщему или поднять личностное до всеобщего.

В христианскую эпоху Логос становится Христом – совершенным человеком, воплотившимся Богом. Христос-Логос соединяет собой два мира – горний и дольний. Религиозный человек не может не конституировать себя вне соотнесенности своей единичности с Божественным Абсолютом. В основе этого отношения лежит признание действительного существования начала сверхприродного, сверхразумного. Будучи тварным существом, человек не может на свой страх и риск определить, чего ему хотеть, чего ему желать. Он не может определить содержание собственной жизни, исходя из себя самого, когда он стоит лицом к Богу [4, с. 381]. Эпоха христианства устанавливает этический образ альтруиста, но с ярко выраженным оттенком жертвенности, что свидетельствует о напряженной внутренней борьбе альтруистического начала как должного с эгоистическим как желанным. В средние века эгоизм оказывается по ту сторону нравственности. Нравственным считалось абсолютное возвышение Бога и отказ от всякого эгоизма. Правда, и альтруизм понимался весьма своеобразно – его *человекоугодие* судилось.

Эпоха Возрождения, пришедшая на смену средневековью, не смотря на сложность и запутанность (новое прорастало, но и средневековье демонстрировало «упрямую цепкость»), утверждала ценность земного существования. Эгоистическое начало заявляет о себе в виде индивидуализма,

личностной свободы и творческой дерзновенности. Альтруизм же в большей степени эстетизируется. Этой эпохе вообще свойственно необыкновенное чувство реальности и одновременное обращение к трансцендентным основаниям, определявшим земное существование человека. Но, как мы знаем, этому, говоря современным языком, проекту не суждено было сбыться. Ни одному из начал не удалось одержать победы.

Новое время, путь которому проложил Ренессанс, эгоистическое начало социализирует. Последнее находит свое воплощение в возвышении человеческого разума с его претензией на открытие законов природы и общества, в его стремлении превратить царство природы в царство человека. Однако безграничное доверие разуму содержало в себе опасность. Она состояла в том, что человек постепенно утрачивал способность к проявлению доброжелательности, сострадания, если они (или их необходимость) не были обоснованы разумом. Новое время, время открытия человеком в себе индивидуального начала и стремления утвердиться в этом начале, противостоять мощи государства, рисует нам портрет «умеренного эгоиста», внешне позиционирующего себя в качестве альтруиста.

Это было время, давшее нам невероятный разброс суждений о ценности альтруистического и эгоистического принципов, определяющих поведенческие стратегии. Однако, очевидно, перевес был на стороне эгоизма, в котором видели силу, способную обеспечить прогресс. И, тем не менее, этический образ определялся прежде всего моральной нормативностью, установившейся в обществе и исходящей из представлений о ценностях, смыслах и о пользе.

Сегодня мы становимся свидетелями бурного проявления эгоистических устремлений человека. Механизмы их сдерживания, какими в прежние эпохи могли быть семья, государство, церковь, уже не вызывают доверия. Мы понимаем, что сферы, в которых человек проводит свою жизнь как горожанин, гражданин и частное лицо расходятся и все дальше отдаляются друг от друга, становясь самостоятельными. А значит, не удастся сохранить «тотальность нравственной связи жизни» [6, с. 93]. Иначе, меру в игре так одинаково значимых для человека начал – эгоистического и альтруистического. К сожалению, современный человек реабилитирует свой

естественный эгоизм. Он не намерен осознать свое чрезмерное эгоистическое самоутверждение в мире как провал. Напротив, он все настойчивее ищет оправданий собственному эгоизму. Похоже, прав был А. Шопенгауэр, полагавший, что «если бы каждому отдельному человеку был предоставлен выбор между его собственным уничтожением и гибелью всего мира, то...нет нужды говорить, куда в огромном большинстве случаев склонился бы этот выбор» [8]. Эпоха постмодерна разрушила классическое разделение на внешнее и внутреннее. Была утрачена определенность. Современность характеризуется тем, что моральный дискурс не задается кантовской идеей долга, выводимой из идеи достоинства человека как рационального субъекта, а потому он не обладает заданной внешней нормативностью. Он (дискурс) сам воспроизводит моральную нормативность, всякий раз давая все новые формы и форматы действия. Эти условия создают портрет «расчетливого эгоиста». Здравый смысл, реализм, рационализм становятся ведущими нравственными ориентирами вместо греческого Логоса или христианского Бога. Бог, на которого молится человек постмодерна – капитал. И хотя оставшиеся «иконы» традиционного общества, такие как красота, истина, справедливость еще эксплуатируются культурой, внутри нее неумолимо растет эгоизм как утверждение личностной автономии. Растет, сжимая пространство, отведенное все той же культурой для альтруизма.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-03-00-710/16.

Список литературы

1. Васильев Г.Е. Философия Базилевса. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 376 с.
2. Керень К. Дионис. Прообраз неиссякаемой жизни. – М.: Ладомир, 2007. – 319 с.
3. Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). – СПб.: Наука, 2014. – 533 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) / Х. Ортега-и-Гассет // Изб. труды. – М.: Наука, 1997. – 657 с.
5. Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории / С.Н. Трубецкой // Соч. – М.: Мысль, 1994. – 816 с.
6. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. – 416 с.
7. Хайдеггер М. Гераклит. – СПб.: Владимир Даль, 2011. – 502 с.
8. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. – URL: http://koncheev.narod.ru/shop_2pr.htm.